

школы — преимущественно юридическая и экономическая — заповолили историческую науку всевозможными космогоническими схемами, внутренняя противоречивость которых обнаружилась сравнительно поздно.

Она обнаружилась под влиянием ряда обстоятельств, из которых основное это — необходимость сближения «начала» человеческой истории в узком смысле и современной нам культуры,

как следствие расширения исторического кругозора. Къ этому же выводу съ необходимостью толкалъ и тяжелый опыт послѣднихъ десятилѣтій европейской исторіи. Онъ снлъ покровы и за блестящими государственно-правовыми этикетками съ небывадой конкретностью обнаружилъ вѣчные элементы анатомическаго строения человеческого общежитія.

С. И. Штейнъ.

Освальдъ Шпенглеръ

5 мая с. г. внезапно скончался въ Мюнхенѣ Освальдъ Шпенглеръ, авторъ «Заката Запада» — быть можетъ, послѣ Ницше самый блестящій и самый вліятельный философскій и политическій писатель современной Германіи.

Въ своемъ культурно-философскомъ ученіи, уже достаточно извѣстномъ, онъ своеобразно сочетаетъ вліянія, идущія отъ Гете и Ницше и отчасти отъ Бергсона. На этой же базѣ онъ строитъ свою культурную (историческую) морфологию. Въ своемъ же ученіи политическомъ онъ (быть можетъ самъ этого не сознавая) идетъ по стопамъ Родбертуса-Ягцова, современника Маркса и Ласкаля, задолго до Шпенглера пытавшагося также объединить идею консервативнаго социализма съ идеей прусской государственности.

Многіе видятъ теперь въ Шпенглерѣ предтечу гитлеризма. Но кто читалъ его послѣднее произведение («Die Jahre der Entschei-

dung»), тотъ знаетъ, что этотъ взглядъ мало обоснованъ. Для Шпенглера національ-социализмъ есть «социализмъ плебейскій» и «социалистическая демагогія» гитлеризма была ему неяснѣе. Отвергаетъ Шпенглеръ и расистскую теорію. Для него раса — категория не биологическая, а психологическая.

Трагедія Шпенглера, какъ политическаго идеолога, заключается въ томъ, что его «прусскій социализмъ» оказался исторически не нужнымъ. Националь-социалистическое движеніе прошло мимо него. Этимъ не умаляется, конечно, значеніе Шпенглера, какъ одной изъ самыхъ яркихъ фигуръ послѣвоенной Германіи.

Не касаясь здѣсь общихъ культурно-философскихъ воззрѣній Шпенглера, остановимся лишь на характеристикѣ его взглядовъ на русскую проблему, издавна привлекавшую его вниманіе.

Нетрудно показать, что его воззрѣнія на русскую культурную

идею подверглись сильным колебаниям. Еще в своих первоначальных работах* он вѣрилъ, что въ нѣдрахъ русскаго гения таится возможность новой культуры, которая придетъ на смѣну угасающему Западу. Нылъ же («Die Jahre der Entscheidung», 1933) онъ утверждаетъ, что Россія какъ бы противостоитъ Западной Европѣ, она словно «сорвала съ себя маску бѣлой расы» и снова стала «азиатской», «монгольской» великой державой.

Какимъ же путемъ пришелъ Шпенглеръ къ своей новой точкѣ зрѣнія?

Правда, и в своих ранних работах он говорил уже о глубокомъ, принципиальномъ различіи между русскимъ и западно-европейскимъ духомъ, которое не заглушается тѣмъ, что русская городская культура и русская интеллигенція какъ бы окрашены въ европейскіе цвѣта. Ибо русская стихія лишь поверхностно усвоила западный духъ, «подлинный русский человекъ такъ же духовно чуждъ западному европейцу, какъ римлянинъ эпохи царей или китаецъ задолго до Конфуція». Однако прежде Шпенглеръ противопоставлялъ Россію, какъ особый, но все же равноцѣнный культурно-историческій типъ, всей Западной Европѣ, толкуя послѣднюю какъ замкнутое въ себѣ культурно-духовное единство. Вотъ почему онъ считалъ «величайшимъ зломъ» для самой же Россіи ту европеизацію, которой она подверглась со времени Петра Ве-

ликаго до нашихъ дней. Эта насильственная прививка западной культуры русскою народною стихію выразилась въ искусственномъ насажденіи городского быта по западному образцу, какъ бы вѣдущагося въ сермяжную, мужицкую Россію и навязавшаго ей чужеродные способы мышленія и чувствованія. Петръ Великій перестроилъ «истинно русское царство» въ великую державу на европейскій ладъ, нарушивъ этимъ его нормальное развитіе. Въ свою очередь, и русская интеллигенція, возникшая въ средѣ чуждыхъ русскому народу городовъ, глубоко искавила его подлинное умонастроеніе, превративъ исконную народную мечту объ общинномъ владѣніи всей землей, въ «дѣтски-утопическія и пустыя теоріи въ духѣ французскихъ профессіональных революціонеровъ». Петровская реформа и большевизмъ — оба въ одинаковой степени безразсудно пытались воплотить въ русскую жизнь превратно понятыя ими два творенія Запада: «Версальскій Дворъ» и «Парижскую Коммуну», что, до извѣстной степени, имъ и удалось, благодаря безконечному смиренію и покорности, присущимъ русской народной душѣ.

По Шпенглеру миссія глубинной, народной Россіи заключается не въ разрѣшеніи политическихъ или социальныхъ вопросовъ, а въ религиозномъ творествѣ. Этой Россіи суждено еще создать новую религію, въ то время какъ люди Запада уже окончательно утратили религиозный инстинктъ: въ ихъ «городскихъ душахъ» изначальная религіозность давно уже приняла интеллектуальную форму «проблемъ», превратилась въ ре-

* «Der Untergang des Abendlandes» II Bd. (Das Russentum) 1922. «Прусская идея и социализмъ». Глава 23: «О Россіи».

религиозную философію. Остріе «русского нигилизма» направлено не только против государства, науки и искусства Запада, но и против его религиозной культуры, против Рима и Виттенберга, духъ которыхъ проявился во всѣхъ формахъ западной цивилизации. Религиозное развитіе Россіи отвергаетъ этотъ западный путь и черезъ Византію снова примкнетъ непосредственно къ Иерусалиму.

Въ области же социально-политической русской геній, по мнѣнію Шпенглера, еще ничего оригинальнаго не создалъ. Русская революціонная политическая мысль исходитъ лишь отъ сравнительно небольшого слоя городской интеллигенціи, давно утратившей всякую связь съ роднымъ народомъ. Ея доктринерское прямолинейное мышленіе всегда встрѣчало инстинктивный отпоръ со стороны подлинной народной стихіи. Отсюда исконная русская ненависть къ западному духу, которая проявляется у Толстого и Достоевскаго, а у простаго русскаго человѣка выражается въ глубокой неприязни къ городской культурѣ. Безъ этой психологической подосновы никогда доктринерскія, политическія теоріи большевизма не достигли бы въ Россіи такого гигантскаго размаха. Но Петровская реформа и ея послѣднее звено, большевизмъ, будутъ еще, по убѣжденію Шпенглера, окончательно уничтожены разбушевавшейся русской народной стихіей, дабы осуществилось, наконецъ, внутреннее духовное преодоленіе «Европы».

Въ то время какъ западная цивилизація давно уже стала чисто городской и «народъ» здѣсь за-мѣнился пролетарскими массами,

русскій человѣкъ, къ какому бы онъ сословію, знанію или профессіи ни принадлежалъ, всегда по своему душевному укладу остается «крестьянникомъ». Несмотря на усвоеніе марксистскаго ученія русскими пролетарскими массами и значительной частью интеллигенціи, основнымъ русскимъ вопросомъ является все же вопросъ аграрный. «Русскій рабочий... — это не человѣкъ массы, какъ рабочий въ Манчестерѣ, Эссенѣ и Питсбургѣ, а сбѣжавшій отъ земли пахарь, исполненный ненависти къ чужой, далекой силѣ, оторвавшей его отъ исконнаго призванія». Западный европеецъ, питомецъ многолѣтней городской культуры, окончательно утратилъ связь съ землей, въ то время какъ русскій человѣкъ еще неразрывно связанъ съ ней тысячами психологическихъ нитей. И цѣлая пропасть отдѣляетъ восточный социализмъ отъ западнаго.

Такъ рисовалась «русская идея» Шпенглеру раньше. Характеризуя же теперь Россію (въ своемъ позднѣйшемъ произведеніи), какъ великую «азиатскую» или «монгольскую» державу, онъ имѣетъ въ виду не этнографическій составъ русскаго народа, а лишь глубокой идейный сдвигъ въ ея культурно-политической позиціи по отношенію къ Западной Европѣ, какъ цѣлостности. «Московская держава», какъ величаетъ Россію Шпенглеръ, подчеркивая этимъ ея «тягу къ Азіи», вновь плѣнившей ея душу, — является нынѣ духовнымъ руководителемъ и защитникомъ историческихъ правъ цѣлаго населенія всего міра въ его борьбѣ съ бѣлыми расами. Побѣда большевизма обозначаетъ въ

историческомъ разрѣзѣ нѣчто иное и болѣе значительное, чѣмъ въ разрѣзѣ хозяйственномъ и социальномъ-политическомъ.

Согласно новѣйшей концепціи Шпенглера, двумя важнѣйшими слѣдствіями мировой войны является — побѣда «рабочаго социализма» въ большинствѣ государствъ Запада и борьба бѣлыхъ расъ съ цвѣтными. Западной цивилизаціи угрожаетъ въ текущемъ столѣтіи двѣ мировыя революціи, первая — снизу, вторая — извнѣ: борьба классовъ и борьба расъ. Въ ближайшія десятилѣтія можно ожидать, что оба революціонныхъ теченія объединятся противъ общаго врага и тогда наступитъ для народовъ бѣлой расы время тяжкихъ испытаній. Здѣсь повторяется въ самихъ нѣдрахъ западно-европейскаго культурнаго типа то, что было удѣломъ всѣхъ историческихъ культуръ: борьба «варваровъ» противъ народовъ высшей культуры. «Великая мировая война была поражениемъ не Германіи, а всего Запада, т. е. народовъ бѣлыхъ расъ. Такое перемѣщеніе политическаго центра тяжести впервые постигли въ Москвѣ. Западная Европа еще не учла этого факта въ мировомъ масштабѣ. Она еще не осознала, что «господскіе» народы бѣлой расы значительно утратили свой престижъ и свое вліяніе.

Въ большевистской Россіи въ 1917 году вспыхнули одновременно обѣ революціи: «бѣлая» и «цвѣтная». Первая, т. е. «рабочій социализмъ», возникаетъ въ городахъ и возглавляется «политическими публицистами, академическимъ пролетаріатомъ и нигилистическими агитаторами, типа Ба-

кунина, въ союзѣ съ чернью большихъ городовъ». Эта «революція снизу» уничтожаетъ господствующіе классы, ведущіе свою родословную еще отъ петровской реформы и провозглашаетъ «культъ рабочаго». Индустриально-техническое развитіе, столь внутренне-чуждое русской душѣ, внезапно обоготворяется здѣсь и объявляется высшимъ смысломъ жизни. А наряду съ этимъ «бѣлымъ большевизмомъ» медленно и безшумно начинается «большевизмъ азиатскій» (вторая революція — «цвѣтная»). Если первый имѣлъ своимъ прообразомъ Парижскую Коммуну 1871 г., которой Ленинъ сознательно подражалъ, то прообразомъ второй — является пугачевскій бунтъ. Исконный земельный голодъ мужика быть первымъ проявленіемъ этой второй революціи. Но рабочій социализмъ быстро почувалъ грядущую опасность. Послѣ краткосрочнаго союза съ мужицкой Россіей коммунистическая партія вступаетъ въ ожесточенную борьбу противъ консервативной мужицкой стихіи. И въ конечномъ счетѣ: земля отчуждается у крестьянина въ пользу государства, фактически вводится крѣпостное право съ подневольной работой, что, въ свою очередь, ведетъ къ его полному захрѣпощенію. Но «бѣлый» большевизмъ, если вѣрнѣ Шпенглеру, въ настоящее время сходитъ постепенно на нѣтъ. Правда, еще исповѣдуютъ официально марксистскую программу, чтобы въ Южной Азій, Африкѣ и Америкѣ сдѣять идейный мятѣжъ противъ господскихъ бѣлыхъ расъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ старая «большевистская гвардія», полу-западная по своему духовному укладу,

постепенно замѣняется новымъ «азиатскимъ слогомъ» правителей.

Большевистскій режимъ въ его телерешенъ видѣ — это не государство современнаго типа, какимъ была, напримѣръ, Петровская Русь. Предъ нами лишь господствующая «орда», именуемая коммунистической партией, возглавляемая всемогущимъ «ханомъ» и его соратниками, а въ глубинѣ — безчисленная, покорная, беззащитная народная масса, какъ это вѣкогда имѣло мѣсто въ «золотой ордѣ» монгольскаго періода. Правда, официально еще блюдетъ здѣсь «марксистское лицо», но подлинный духъ марксизма давко уже умертвѣлъ.

Это своеобразное государство неуязвимо въ военно - политическомъ отношеніи: его спасаетъ «метафизическая» глубина пространства. И надо признать, что большевики хорошо использовали географическое положеніе Россіи, перенесли главнѣйшіе промышленные центры на востокъ отъ Москвы. Но зато это государство само нападаетъ: повсюду у него есть наемники и союзники. Можно даже говорить о новой революціонной «азиатской» дипломатіи, дѣйствующей посредствомъ идеальной пропаганды, далеко превосходящей устарѣлый аристократическій стиль западной дипломатіи.

Передъ нами два аспекта русской культурной идеи. Первоначально Шпенглеръ противопоставляетъ еще лишь созрѣвающій русско-славянский культурный типъ, какъ вполне самостоятельный и равноцѣнный другимъ, уже погибшимъ культурно - историческимъ типамъ и, въ частности, — западно-европейскому, вступившему въ

періодъ своего завершения. Самоостоятельно повторяя Данилевскаго*), Шпенглеръ, зтогъ своеобразный «нѣмецкій славянофиль», выдѣляетъ русский народъ изъ круга европейскихъ націй. Сходство основной историко-философской позиціи обоихъ авторовъ въ томъ, что оба они отвергаютъ единство міровой исторіи и ставятъ на его мѣсто множественность единичныхъ историческихъ культуръ, воплѣтъ автономныхъ, качественно несоизмѣримыхъ и потому духовно другъ для друга непроницаемыхъ. Нынѣ же Шпенглеръ какъ бы отказался отъ своего первоначальнаго пониманія русской культурной идеи: западно-европейскому культурному типу, созданному народами бѣлой расы, противопоставляетъ онъ, какъ высшему, «азиатскую Россію» — духовную руководительницу всѣхъ цвѣтныхъ расъ — какъ низшій культурный типъ.

Не говоря уже о парадоксальности зачисленія Россіи въ группу «цвѣтныхъ» народовъ, Шпенглеръ вступаетъ въ противорѣчіе со своей же собственной теоріей, согласно которой, всѣ культурно-историческіе типы принципиально равноцѣнны. Вѣрнѣе, слѣдовало бы сказать, въ его же духѣ, что нѣтъ даже объективнаго цѣлостнаго мѣрила для установленія іерархіи культуръ.

Противорѣчивой является и его характеристика самой структуры русской революціи. Съ одной стороны, Россія рассматривается, какъ духовный вождь всѣхъ цвѣтныхъ народовъ, ихъ культуръ и одню-

*) См. мою статью: «Данилевскій и Шпенглеръ», «Совр. Зап.» кн. 28.

временно Шпенглеръ утверждаетъ наличие въ самихъ недрахъ русской революціи двухъ началъ: «бѣлаго» и «азиатскаго» («афганскаго») большевизма... Большевикская правая группа приурочивается къ «бѣлой расѣ», хотя бы по своей политической идеологии («сподражаетъ Парижской Коммуны»), а подвластные ей народныя массы объявляются «азиатскими», въ недрахъ которыхъ уже назрѣваетъ бунтъ противъ «бѣлаго» большевизма, въ которомъ повторится, какъ бы во второмъ изданіи, бунтъ пугачевскій.

Своеобразныя и зачастую парадоксальныя воззрѣнія Шпенглера на русскую культуру всецѣло вытекаютъ изъ его общаго, черезчуръ прямолинейнаго культурно-философскаго ученія, не учитывающаго исторически неоспоримый фактъ взаимопроникновения и взаимодѣйствія между отдѣльными культурами. Отрицая здѣсь всякое положительное и плодотворное взаимное вліяніе между ними, онъ допускаетъ лишь возможность искаженія одной еще созрѣвающей культуры, другой уже завершен-

ной. Вотъ почему, «спасеніе» будущаго самобытнаго русскаго культурнаго типа — лишь въ полномъ освобожденіи его отъ западно-европейскаго «культурнаго ига». На самомъ же дѣлѣ, извѣстная самоцѣльность и самозаконность данной культурной индивидуальности, раскрытіе полностью ея творческихъ задатковъ, отнюдь не мѣшаютъ самостоятельному претворенію и постиженію чужихъ культурныхъ типовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что характеристика Шпенглеромъ русской культуры, какъ «нѣевропейской» или даже «антиевропейской», грѣшитъ явнымъ преувеличеніемъ и фактически опровергнута ходомъ русской исторіи. Признавая своеобразие русской культуры, нельзя не согласиться, однако, съ Владиміромъ Соловьевымъ, что лишь въ стѣнномъ общеніи съ Европой русскій геній рождалъ великое. Но, конечно, не усныческое усвоеніе западнаго духа нужно Россіи, а лишь творческая переработка его основныхъ духовныхъ завоеваній.

Мих. Шварцъ.

Двойная дуэль въ Богеміи

Сто-полтораста лѣтъ тому назадъ свѣтъ былъ такъ же малъ, какъ и теперь; особенно таковымъ онъ казался людямъ богатымъ, знатымъ и мало занятымъ, постоянно встрѣчавшимся въ разныхъ коннахъ Европы, то при дворахъ, то въ курортахъ, то на конгрессахъ, которыми такъ изобиловало начало 19-го вѣка. Большимъ, даже безмѣрнымъ, онъ казался лишь философамъ да крепостянамъ, не бывавшимъ нигдѣ

дальше околицы своей деревни. Умственный и географическій горизонтъ необозримъ, за нимъ лежатъ все новыя манящія дали, грады и вѣси. Люди, приходившіе изъ этихъ далей, казались новыми; ихъ приходъ былъ неожиданъ, непонятенъ и часто окруженъ тайной. Зачѣмъ они мчались съ сѣвера на западъ, черезъ границы, зачѣмъ ихъ ямщики загоняли лошадей, а они сами тайно встрѣчались на опушкѣ чужо-